

Из истории запрета педологии в СССР

А.М. Родин

Постановление ЦК ВКП(б) "О педологических извращениях в системе Наркомпросов" от 4 июля 1936 г. вызывает повышенный интерес у специалистов по истории советской педагогики и психологии. Работа над материалами, полученными в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) позволяет нам ответить на ряд вопросов, связанных с принятием этого документа и реализацией его решений. 3 сентября 1935 г. Совмин СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление "Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе". Толчком к его принятию послужил инцидент в московской школе № 4 Фрунзенского районного отдела народного образования, где обучалось много детей высокопоставленных родителей (см.: РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 583. Л. 1). Неравенство школьников, проявлялось в их внешнем виде, одежде, культуре поведения, взаимоотношениях с учителями, оно стало еще более заметным после отмены с января 1935 г. бесплатных обедов и льготных завтраков. Школьные буфеты и столовые стали доступными лишь детям обеспеченных родителей. Взаимная неприязнь ребят становилась перманентной, перерастая порой в столкновения и драки. Особенно накаленной была атмосфера вокруг Тимура Фрунзе, воспитывавшегося в семье К.Е.Ворошилова. Поскольку в этой школе учились дети и других государственных деятелей, "случай" с сыном знаменитого полководца стал известен И.В.Сталину и послужил предметом для обсуждения положения дел в школах на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 22 февраля 1935 г. В итоге была создана комиссия Политбюро под председательством А.А.Жданова, в состав которой вошли К.Е.Ворошилов, А.С.Бубнов, Н.С.Хрущев, Н.А.Булганин, А.В.Косарев, Г.Г.Ягода, Н.К.Крупская, работники Мособлоно, партийных и советских органов Москвы. В ходе обследования подобных школ Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева и Минска комиссия, по словам А.А.Жданова, обнаружила среди учащихся "наличие хулиганства, уголовщины, антисоветских разговоров, блатного языка... пускания в ход термина "лягавый" по отношению к тем, кто защищает советские позиции в школе" (там же. Д. 433. Л. 1). Председатель комиссии отмечал, что выявились даже "такие безобразия, как групповое изнасилование девочек в ряде школ" (там же. Д. 583. Л. 1). 26 апреля 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) специально рассмотрело вопрос "о мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних". Наркоматы просвещения подверглись резкой критике. Для контроля за их деятельностью был создан отдел школ ЦК ВКП(б), а на местах — отделы школ обкомов и крайкомов партии. Чтобы наладить работу новых отделов на начальном этапе их деятельности Политбюро приняло решение "о создании трех комиссий ЦК ВКП(б) по школе" (см.: там же. Д. 963 Л. 3). В их состав вошли виднейшие партийные и государственные деятели, работники просвещения. А.А.Жданов возглавил комиссию по высшей школе, заведующий отделом школ ЦК ВКП(б) Б.И.Волин — комиссию по неполной средней и средней школе, генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А.В.Косарев — комиссию по начальной школе. По итогам работы этих комиссий СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления — "Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе" от 3 сентября 1935 г. и "о работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой" от 26 июня 1936 г. Члены комиссий, впервые ознакомившиеся с работой Ленинградского педологического института, с деятельностью педологов в отделах народного образования и общеобразовательных школах, осудили практику опросов, проводимых педологами, собиравшие ими различных справок и документов, касающихся семейно-бытовых условий школьников. По мнению проверяющих, все это как бы подчеркивало социальное неравенство учащихся и способствовало возникновению в их среде конфликтов. В связи с этим комиссиями было предложено запретить предоставление родителями при определении ребенка в школу каких-либо

документов, кроме заявления, свидетельства о рождении и справки о привитии оспы. На предупреждение конфликтных ситуаций и укрепление дисциплины среди школьников было направлено и требование сентябрьского постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) об организации в крупных городах специальных школ "для дефективных детей и тех учащихся, которые систематически нарушают школьную дисциплину... и отрицательно влияют... на остальных учащихся" (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1988). В 15-и т. М., 1985. Т. 6. С. 266). Приняв эту партийную установку за сигнал к активным действиям, педологи ошиблись. Прошло всего полгода и именно за усердие по выявлению трудновоспитуемых детей, проявленную активность при направлении их в спецшколы они подверглись жесткой критике со стороны партийного руководства. Оказалось, что в спецшколы переводились преимущественно дети рабочих и простых служащих, а это в условиях государства диктатуры пролетариата не могло расцениваться положительно. "Идет процесс вымывания детей рабочих из школы", — констатировал положение нарком просвещения РСФСР А.С.Бубнов.

В начале 1936 г. заведующая отделом школ Ленинградского обкома партии Шутенина обратила внимание А.А.Жданова на недопустимый характер деятельности сотрудников Педологического института в школах Псковского района (см.: РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 570. Л. 1). В результате А.А.Жданов 4 апреля 1936 г. выступил с докладом "Об анкетах обследования семейно-бытовых условий учащихся, изданных Ленинградским педологическим институтом", на заседании бюро Ленинградского горкома ВКП(б). Докладчик заявил, что путем анкетирования школьников педологи "залезают во внутренние дела семьи и роются в грязном белье", а их деятельность приводит к конфликтам. Он подчеркнул, что после запрещения требовать от родителей данных о социальном происхождении ребенка и отмены других всевозможных справок такие действия можно считать "грубым нарушением советских законов по форме, а по существу издевательством и вреднейшей антигосударственной и антиобщественной практикой" (там же). По мнению А. А. Жданова, вся методология педологии основана на поиске негативных фактов из жизни не только ребенка, но и родителей, дедушек и бабушек. Опасность педологии оратор видел в том, что ее "инквизиторские методы" увеличат количество трудных детей в "неисчислимое количество раз, ибо у каждого можно найти аномалии где-нибудь, в каком-нибудь звене" (там же. Л; 2).

А.А.Жданов еще не требовал полной ликвидации педологии как науки и прекращения деятельности школьных педологов, он предлагал лишь коренным образом реформировать Педологический институт. Однако какой-либо концепции реформирования педологической системы не было ни в Центральном комитете, ни в Наркомпросе, поскольку до Жданова вопроса об этом вообще никто не ставил. Более того. Наркомпрос РСФСР в предыдущие годы уделял значительное внимание разработке документов по расширению деятельности педологов и их учреждений.

Доклад А.А.Жданова 4 апреля 1936 г. в Ленинградском горкоме партии был началом кампании против педологов. Спустя месяц, 9 мая, выступая перед партийным активом Ленинграда, А.А.Жданов вновь подверг педологов критике за извращение политической линии партии и воспитательной работы (см.: там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 585. Л. 19). Самую большую вину педологов А.А.Жданов видел в том, что они не участвуют в воспитании ребенка, не помогают ему удержаться в обычной школе, а наоборот "своими квазинаучными методами, тестами" способствуют переводу трудного ученика в спецшколу, которую он называл капканом. "Волчьим билетом дело педолога и заканчивается, — приходил к выводу А.А.Жданов, — учащиеся спецшкол — это будущие уголовники и клиентура органов НКВД" (там же. Д. 595. Л. 2).

Через несколько дней, инструктируя секретарей партийных организаций, он подчеркнул, что одним из вопросов, на котором следует "заострять внимание при обмене партийных документов", является отношение к педологам. "Есть такая профессия — педологи, — пояснял он присутствующим, — которые всю свою деятельность направляют на то, чтобы доказать, что максимальное количество детей являются кандидатами в школы для трудновоспитуемых" (там же. Д. 585. Л. 18). В результате их "работы", указывал А.А.Жданов, количество трудновоспитуемых детей в Ленинграде за два года увеличилось на 60%, что является "серьезным извращением политической линии" и создает впечатление "будто у нас идет деградация". Под этим углом зрения руководитель ленинградских коммунистов и рекомендовал смотреть на педологов при обмене партийных документов.

Критические выступления А.А.Жданова сначала начинает публиковать "Ленинградская правда", а затем и центральная пресса. Сам А.А.Жданов дает указание на сбор материалов о деятельности Ленинградского педологического института для предоставления в Политбюро ЦК ВКП(б). Выполнение этой работы поручалось комиссии, в состав которой вошли партийные и советские работники Ленинграда, начальник управления НКВД Ленинградской области Заковский и "широкий круг практических работников".

Несмотря на привлечение "широкого круга" и призывы А.А.Жданова поставить вопрос "во всю ширь", судьба педологов решалась исключительно в партийных кругах. Лишь за 9 дней до опубликования известного постановления ЦК было проведено мероприятие местного масштаба, носившее громкое название "Прием педагогов и педологов Ленинградских школ товарищем Ждановым". Оно должно было подчеркнуть, что инициатива встречи исходит якобы от работников школ. А.А.Жданов сразу же задал тон, тему и направление предстоящего разговора, назвав начавшийся прием товарищеской встречей, посвященной "вопросу о соотношении педагогической науки и педологии". Присутствующим сразу же давалось понять, что педагогика является наукой, а педология — чем-то другим. Название его доклада "О педологических извращениях в Наркомпросе РСФСР" прямо говорило о том, что будут рассматриваться не региональные ленинградские, а общегосударственные проблемы. К этому времени вопрос о педологических извращениях по инициативе лидера ленинградских коммунистов был уже внесен в повестку дня очередного заседания Политбюро. Сам А.А.Жданов, подчеркивая важность обсуждаемой темы, заявил, что в ближайшее время ЦК ВКП(б) примет по ней такое же "мудрое решение", какие принимал до сих пор.

Чтобы успокоить приглашенных педологов, А.А.Жданов подчеркнул, что их пригласили не для того, чтобы ругать, так как "в значительной части педологи являются жертвами тех установок, по которым они работали" (там же. Д. 596. Л. 6). Однако обещаний всепрощения он не давал, а лишь рассуждал о том, что "не обязательно каждую вещь подводить под какую-нибудь политическую категорию, бывают плохие люди, бывают просто глупые... основной кадр здоров и крепок" (там же. Л. 84).

А.А.Жданов обратил внимание на то, что контроль над педагогикой неоправданно передан педологии, которая "забрала себе такие вопросы, как требования к уроку, память, восприятие и мышление", а в результате "разработка научных вопросов педагогики приостановилась". Педологи-теоретики обвинялись в том, что они стремятся "доказать отсталость пролетарских детей" (там же. Д. 595. Л. 5).

Все выступавшие единодушно поддержали докладчика, доказывая, что в тех школах, где педологов еще не ввели в штат, трудновоспитуемых детей нет, а там, где они уже работают, количество трудных ребят постоянно растет. Наиболее активно А.А.Жданова во время приема поддержал заведующий Ленинградским гороно М.А.Алексинский, потребовавший

покончить с педологами. А.А.Жданов предложил лишь реформировать Педологический институт, М.А.Алексинский же настаивал на его полной ликвидации, расценивая деятельность педологов как целенаправленно вредительскую. Более того, он призывал изгонять из школы не только педологов, но и учителей, которые в свое время обучались по учебникам, содержащим "педологические извращения". В условиях развернувшейся в стране кампании по поиску "врагов народа" позиция М.А.Алексинского провоцировала широкомасштабные репрессии среди работников просвещения.

Спустя два дня Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос "О педологических извращениях в системе Наркомпроса" и приняло решение о подготовке в семидневный срок соответствующего партийного постановления, которое должна была выработать комиссия в составе А.А.Жданова, А.В.Косарева, А.С.Бубнова и Г.Н.Каминского. Одновременно Политбюро обязывало комиссию включить в постановление "следующие предложения т. Жданова:

1. восстановить, полностью в правах педагогику и педагогов;
2. ликвидировать звено педологов в школах и изъять педологические учебники;
3. пересмотреть школы для трудновоспитуемых детей, переведа основную массу детей в нормальные школы;
4. упразднить преподавание педологии... в пединститутах и техникумах;
5. осудить в печати все вышедшие до сих пор теоретические книги теперешних педологов;
6. желающих педологов-практиков перевести в педагоги" (там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 978. Л. 2).

Постановление практически целиком было построено на предложениях А.А.Жданова, отражало его взгляды на проблему и в полной мере может считаться его детищем.

5 июля этот текст был опубликован в газете "Правда" как постановление ЦК ВКП(б) от 4 июля 1936 г. А уже 7 июля Наркомпросы автономных республик, областные и краевые отделы народного образования получили телеграмму наркома просвещения РСФСР; "Предлагаю немедленно упразднить должности педологов школах. Педологов-практиков, желающих остаться работе качестве педагогов перевести должности учителей... Наиболее опытных, хорошо знающих работу школы можно использовать качестве заведующих учебной частью... Организовать месячные курсы переквалификации этих работников" (ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2232. Л. 1). 8 июля нарком просвещения издал приказ № 504, в котором отменялись "как неправильные и наносившие вред всему делу советской школы" все постановления, распоряжения и инструкции Наркомпроса за 1928—1935 гг., касающиеся педологии (см.: там же. Л. 2). Педология, как "полная вредных антимарксистских положений наука", исключалась из учебных планов пединститутов и педтехникумов, кафедры педологии, педологические кабинеты и лаборатории ликвидировались. Наркомпрос, кроме этого, отдал распоряжение об упразднении занимаемых педологами должностей освобожденного классного руководителя, которые в порядке опыта были введены в крупных школах Москвы и Ленинграда.

Несмотря на резкий тон приказа, ликвидация перечисленных должностей сопровождалась проявлением вполне конкретной заботы о трудоустройстве людей, попавших под действие постановления. Нарком просвещения в своем распоряжении требовал переквалифицировать педологов-практиков в педагогов, переориентировать аспирантов-педологов на другие темы [диссертаций](#), реорганизовать (а не ликвидировать) педологические факультеты пединститутов. 22 июля был издан приказ № 541, который детализировал прежние указания наркома и расширял возможности педологов для переквалификации. Им была разрешена

сдача экзаменов за учительский институт экстерном с зачетом ряда предметов, изученных на педологическом факультете. Для переквалификации педологов-практиков организовывались краткосрочные и долгосрочные курсы продолжительностью от одного до десяти месяцев. Докладывая И.В. Сталину о ходе этой работы, нарком просвещения России сообщал, что к началу августа 1936 г. около 250 московских и 100 ленинградских педологов согласились перейти на педагогическую работу (см.: там же). В дальнейшем основная масса педологов-практиков стала учителями.

Педологи-теоретики оказались в более сложных условиях. Несмотря на то что постановление не содержало требования о закрытии Ленинградского педологического института, приказом наркома от 26 июля 1936 г. он был упразднен. Ни в постановлении ЦК, ни в приказах и распоряжениях Наркомпроса каких-либо указаний о трудоустройстве его сотрудников не было. Более того, постановление требовало "раскритиковать в печати все вышедшие теоретические книги теперешних педологов" (Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях. Т. 6. С. 367). Руководствуясь партийным указанием, нарком просвещения в своем приказе № 504 обязывал журналы "За коммунистическое просвещение", "Педагогическое образование", "Начальная школа", "Средняя школа", "Дошкольное воспитание" принять участие в критике педологов.

Согласно тому же приказу подлежали запрету три учебника: Блонский П.П. "Педология для педвузов"; Фортунатов А.А., Соколов И. И. "Педология для педтехникумов"; Залкинд М.Я. "Дошкольная педология". На следующий день после приказа наркома последовало распоряжение главного цензора страны об изъятии из торговой сети и библиотек педологические произведения (список из 121 наименования книг и брошюр прилагался). Руководство Госиздата РСФСР направило в адрес А.С. Бубнова письмо с выражением готовности подвести под действие его приказа еще несколько десятков педологических учебников и пособий (см.: ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2232. Л. 13). Ответ наркома был лаконичен: "Изымать надо не вообще, а конкретно по названиям" и потребовал докладывать ему по каждой изымаемой книжке (см.: там же).

В ходе развернувшейся критики педологам-теоретикам, по словам Н.К. Крупской, предлагали сыпать пепел на голову и становиться на колени" (там же. Д. 2294. Л. 50). Пытаясь направить волну критики в конструктивное русло, Крупская в наброске статьи "Как бороться с педологией?" писала: "Нельзя, критикуя педологов, исходить из принципа "бей кирпичом неизвестно по чем" (РЦХИДНИ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 325. Л. 20). Но отстоять свое мнение ей не удалось, и вскоре она сама активно включилась в антипедологическую кампанию.

Робкие попытки самих педологов и их защитников доказать, что они вносили в изучение личности ребенка и некоторые позитивные моменты категорически отвергались. "Нам же это не нужно, — говорил нарком просвещения, — это же, знаете, мало стоит. Ты возьми решения ЦК и... раскритикуй всю свою ученую деятельность, выверни ее наружу" (ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2298. Л. 99). Стремление дать объективный анализ их теоретической деятельности расценивалось как прямая поддержка лженауки. Так, на Всероссийском совещании по педагогическим наукам в апреле 1937 г. прозвучали три резко критических доклада: "М.Я. Басов как представитель педологической лженауки", "П.П. Блонский как педагог и, педолог" и "Л.С. Выготский и вопросы мышления и речи в его работах". И тем не менее, оценивая эти выступления, М.А. Алексинский пришел к выводу, что их авторы — доктора педагогических наук С.Б. Каменев, А.П. Пинкевич и С.Е. Гайсинович в сущности выступили защитниками педологии (см.: там же. Д. 2301. Л. 1). Пресекались даже любые положительные оценки личностных качеств критикуемых авторов. Услышав, например, в одном из выступлений фразу о том, что "такой умный человек, как Выготский", писал

педологическую чушь, А.С. Бубнов оборвал выступавшего: "Не расхваливайте его" (там же. Л. 59). Зато оратор, заявивший, что все педологи рабски преклонялись перед Западом, а Л.С. Выготский "импортировал с чрезвычайным успехом немецкие и вообще западноевропейские теории", удостоился одобрительной реплики наркома просвещения: "С успехом и с большим вредом для дела" (там же. Л. 32).

Поставленные в такие условия педологи-теоретики были вынуждены безоговорочно признавать правоту любой критики в свой адрес, просили дать им возможность вести научно-исследовательскую работу в области педагогики и обещали беспощадно бороться с последствиями педологических извращений (см.: там же. Д. 2232. Л. 90—91).

Непримиримость и бескомпромиссность по отношению к педологам их критики объясняли стремлением в полной мере выполнить требование партии о восстановлении в правах [педагогики](#) и педагогов. Кампания о несостоятельности педологии как науки шла одновременно с разработкой новых программ по педагогике для педагогических вузов и техникумов. К их разработке привлекались и бывшие педологи, публично признавшие свои заблуждения. Они проявили в этом деле высокую активность и уже спустя 2—3 месяца после начала работы стали присылать свои предложения в Наркомпрос, Н.К. Крупской. Однако уже первое знакомство с программой для пединститутов вызвало у нее острое недовольство тем, что авторы старались превзойти своих критиков. Они стали отрицать роль наследственности, физических данных ребенка в процессе формирования личности. "Надо сказать не "пересмотр роли наследственности", а "выявление удельного веса наследственности" — пыталась поправить их Н.К. Крупская (см.: там же. Л. 11). По сути дела теперь их критиковали за извращение педагогики и психологии. Итог был закономерен: разработки "раскаившихся" не были приняты. Несмотря на открытое самобичевание, многие из них подверглись в 1937 г. гонениям и репрессиям.

Значительные сложности возникли и при выполнении требования постановления о проверке школ для трудновоспитуемых школьников и переводе основной их массы в обычные учебные заведения. В Москве было 43 школы для умственно отсталых детей, 3 — для трудновоспитуемых и 6 — для психоневротиков. Общее число учащихся в них достигало 18 тыс. человек. В Ленинграде насчитывалось 33 школы для умственно отсталых, 16 — для трудновоспитуемых, 4 — для психоневротиков. Всего там обучалось 12 321 человек. В городе на Неве еще было 135 вспомогательных классов с 3263 учащимися. В течение первого месяца после принятия постановления в Москве было выявлено около 1000 детей, подлежащих немедленному переводу в нормальные школы. В Ленинграде из 929 обследованных детей 733 человека направлялись в обычные учебные заведения. В Омском крайоне из 216 — 131, в Сталинградском из 165 — 153 (см.: там же. Л. 54).

Примечательно, что чем дальше от центра находились школы для трудновоспитуемых, тем быстрее шел процесс перевода. Это привлекло внимание наркома просвещения, который в телеграмме отделам народного образования предупредил, что сокращение сроков перевода детей в нормальные школы должно "никоим образом не идти в ущерб тщательности работы" (там же. Л. 81).

Несколько иной была позиция А.А.Жданова, заявившего 9 августа 1936 г., что достаточно оставить лишь некоторое количество школ "для детей-дезорганизаторов, психоневротиков и идиотов. Других категорий у нас нет. Категорию трудных мы ликвидировали" (там же. Ф. 77. Оп. 1. Д. 606. Л. 1). Он потребовал, чтобы "работу по пересмотру детей, подлежащих переводу из специальных школ в нормальные, закончить к 1 сентября, т.е. к началу учебного года" (там же. Л. 2).

Начавшаяся спешка способствовала тому, что перевод зачастую производился одним росчерком пера, без освидетельствования и обследования ребенка. Иногда происходила простая смена вывески, т.е. переименование школы для трудновоспитуемых в обычное учебное заведение с прежними директором, учителями и учащимися (см.: там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 169. Л. 16). Ликвидация специальных школ в жестко установленные сроки усугубила проблему второгодничества, отсева учащихся, привела к снижению успеваемости. По словам Н. К. Крупской, многие ребята из школ для трудновоспитуемых были просто выброшены на улицу, так как в обычные их под разными предлогами не принимали. В Москве из трех тысяч учащихся школ для трудновоспитуемых лишь 45 человек были приняты в нормальные школы, остальные остались вне стен учебных заведений (см.: ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2294. Л. 49).

Все эти мероприятия, связанные с выполнением постановления о педологических извращениях, не прошли мимо внимания зарубежных специалистов по детской психологии. В начале августа 1936 г. в Москву по линии Интуриста прибыли 34 американских психолога и психиатра, которые пытались получить аудиенцию у наркома просвещения России. А 27 сентября А.С. Бубнов получил письмо от членов организации психиатров США, просивших разъяснить им теоретические и практические причины изменений и какие педагогические методы планируется применять "при совместном обучении тупых и одаренных детей" (там же. Д. 2215. Л. 33). К сожалению, в архивных материалах не удалось обнаружить каких-либо сведений об ответах наркома и приеме им иностранных ученых.

Советские педагоги и психологи с подобными вопросами к А.С. Бубнову не обращались. На проводимых после принятия постановления семинарах, совещаниях, педсоветах и научных конференциях им разъяснялось, что педология является лженаукой, а деятельность педологов вредной и опасной, требования же ЦК ВКП(б) должны быть приняты к неукоснительному исполнению.